

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 24–30

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 24–30

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-24-30>, EDN: OTFHQU

Научная статья
УДК [94+355](37)

Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти

С. В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина, Республика Беларусь, 247760, г. Мозырь, ул. Студенческая, д. 28

Телепень Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и общественных дисциплин, telepen_serg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5560-8599>, Author ID: 449372

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты участия римской знати периода принципата в обеспечении военного командования империи. Данный вопрос исследуется в связи с проблемой инерции аристократического сознания, проявившейся в стремлении представителей римской знати к полководческой славе. Формулируется вывод о том, что военное командование в ранней Римской империи, превратившись в императорскую прерогативу, продолжало оставаться выражением аристократической идентичности. Встречное отношение к этим исканиям со стороны принцев также было во многом связано не только с живучестью социальных практик, унаследованных от предшествующего периода, но и аналогичной инерцией сознания.

Ключевые слова: принципат, императорская власть, аристократия, римская армия, военачальники, полководческая слава, инерция сознания

Для цитирования: Телепень С. В. Военное командование и инерция сознания: римские военачальники перед лицом императорской власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 24–30. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-24-30>, EDN: OTFHQU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

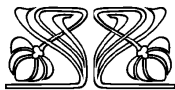
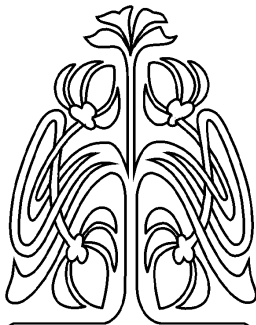
Military command and inertia of consciousness: The Roman warlords in the face of emperor's power

S. V. Telepen

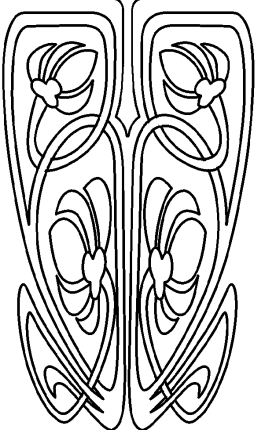
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, 28 Studencheskaya St., Mozyr 247760, Republic of Belarus

Sergey V. Telepen, telepen_serg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5560-8599>, Author ID: 449372

Abstract. The article discusses some aspects of the participation of the Roman nobility of the Principate period in providing the military command of the empire. This issue is being investigated in connection with the problem of the inertia of the aristocratic consciousness, which manifested itself in the desire of representatives of the Roman nobility for military glory. It is concluded that the military command in the early Roman Empire, having become an imperial prerogative, continued to be an expression of aristocratic identity. The reciprocal attitude to these searches on the part of the

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

princeps was also largely due not only to the vitality of social practices inherited from the previous period, but also to a similar inertia of consciousness.

Keywords: Principate, emperor's power, aristocracy, Roman army, warlords, commander's glory, inertia of consciousness

For citation: Telepen S. V. Military command and inertia of consciousness: The Roman warlords in the face of emperor's power. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-24-30>, EDN: OTFHQU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одной из наиболее важных научных проблем в изучении системы принципата является роль континуитета социально-политических институтов, продолживших свое существование, хотя и постепенно претерпевая изменения, и после падения республики в Риме. Однако не менее актуальной представляется проблема инерции сознания носителей староримской морали, т. е. сенаторов и всадников, оказавшихся в роли главного кадрового ресурса империи. Причиной сохранения данной роли было, во-первых, отсутствие в ранней Римской империи как настоящей бюрократии, так и условий для ее быстрого возникновения. По справедливому замечанию Я. Ю. Межеричко, «ни Август, ни его преемники не ставили своей целью создать унифицированную бюрократическую империю или нечто иное, подобное... Особенностью... было то, что для решения новых задач были приспособлены испытанные инструменты и методы. Второй причиной явился, несомненно, континуитет управленческих практик, идеологически санкционированных Августом в рамках его кампании по учреждению «восстановленной Республики» [1, с. 120]. Среди задач, решавшихся императорами посредством привлечения представителей высших сословий на ключевые посты, важнейшее место занимала задача по обеспечению военного командования [2, р. 404–408]. Участие в последнем по-прежнему, как и в республиканский период, тесно связывалось и в политической культуре, и в массовом сознании, и в актуальной практике с аристократическим статусом [3, с. 25; 4, с. 12].

Как известно, вопрос о знатности в античном обществе тесно связан с таким явлением, как меритократия [5]. С другой стороны, данное явление неотделимо от того особого престижа, который на языке римлян обозначался словом *honor*, обычно переводимого как «честь». Именно эта римская «честь», по мнению Дж. Лендона, играла роль интегрирующей силы, обеспечивавшей на каждом уровне иерархии, начиная с императора, функционирование всей системы социальных связей в Древнем Риме эпохи принципата [6, р. 2]. Однако совершенно особую роль в обеспечении высокого статуса в среде нобилитета играла полководческая слава [2, р. 319–325]. Б. Шоу обращает внимание на то, что даже незначительные военные успехи, например, победы над *latrones*, императорские военачальники не стеснялись указывать в своих

официальных надписях как достойные упоминания достижения [7, р. 12]. Подобный уровень полководческого честолюбия вполне согласуется с высказываемой А. Л. Смышляевым мыслью о сохранении военачальниками ранней Римской империи представлений времен Республики [8, с. 68, 71]. И хотя большинство исследователей, как замечает М. Роллер, полагают, что уже в самом начале принципата императоры монополизировали военную славу, сам Роллер считает, что это было едва ли возможно по крайней мере при первых императорах, когда аристократы еще сохраняли важные позиции в командовании [9, р. 99–100].

Однако здесь возникает вопрос о том, каким образом сохранявшееся стремление знати периода принципата к военной славе нашло применение в системе, создававшейся Августом. Дион Кассий приводит речь, якобы произнесенную перед Августом его соратником и ближайшим другом Агриппой: «Но сейчас, когда предстоит править столь огромным миром, тебе понадобится много помощников, и всем им подобает быть мужественными и благоразумными. Если же ты поручишь таким людям государственные должности и войска, то возникнет опасность, что они ниспровергнут и тебя, и государственный строй» (Dio LII. 8. 4 – пер. А. В. Махлаюка) [10, с. 67]. Независимо от степени достоверности данного высказывания очевидно, что речь идет о мнении, которое, вероятно, было общим для императорского окружения. Дилемма, стоявшая перед властью принцепса, здесь заключается, с одной стороны, в его заинтересованности в участии аристократов в формировании «генеральского» корпуса, а с другой – в ощущении угроз для власти монарха, т. е. опасности, исходившей от по-прежнему республиканской в своей основе системы военного командования.

Агриппа Диона Кассия развивает свою мысль далее: «Ибо не бывает так, чтобы заслуживающий уважения человек был лишен честолюбия... Если же человеку присуща гордость духа, он не может не стремиться к свободе и ненавидит всякое господство» (Dio LII. 8. 5. – пер. А. В. Махлаюка) [10, с. 67]. Отсюда следует, что императору необходимо было назначать командиров легионов и наместников провинций из числа одновременно благородных, а это в тех реалиях означало компетентных, и при этом лояльных принцепсу. «Если же таким гражданам ты ничего не поручишь..., – говорит Агриппа у Диона, – то очень скоро вызовешь своим

недоверием ненависть лучших людей в государстве, и, кроме того, очень быстро потерпишь неудачи в своих важнейших начинаниях» (Dio LII. 8. 6. – пер. А. В. Махлаюка) [10, с. 67]. Закономерно, что Август, как затем и его преемники, ради достижения консенсуса со знатью стремился удовлетворить их полководческие амбиции, тем более что опора на наиболее компетентных и одновременно лояльных военачальников имела прямое отношение к сохранению принципом своего статуса главы военной организации. Говоря о мотивах, которыми руководствовался Август, когда утверждал данное положение вещей, М. И. Ростовцев отмечает: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только к новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [11, с. 54].

Отбор кандидатов и продвижение их по карьерной лестнице в качестве *virī militares* для императора, судя по всему, были связаны с тщательным изучением не только полководческих способностей претендента, но и его характера, а также уровня амбиций потенциального или даже состоявшегося военачальника – императорского легата, например. Как пишет В. Н. Парфенов, Домициан применял в некотором роде «селекцию» своих военачальников, выбирая в наместники провинций тех, кто должным образом проявил себя в качестве легатов легионов [12, с. 328–329]. О Тиберии известно, что он, назначая наместников провинций и командиров легионов, «принимал во внимание знатность предков, добытые на военной службе отличия и дарования на гражданском поприще, чтобы не возникло сомнений, что данное лицо – наиболее подходящее» (Tac. *Ann.* IV. 6 – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 149]. Также и в «Размышлениях» Марка Аврелия, единственном для времени принципата развернутом изложении самим императором своих потаенных мыслей, можно обнаружить указание на сложность принятия главой государства решения относительно назначения военачальника [цит. по: 14, р. 13]. При этом Марк Аврелий говорит о себе, что он «во всем ученик Антонина» (Пия), который был, по мнению императора-философа, «наблюдатель нравов и людских дел, а не хулиатель их» (Marc. VI. 30 – пер. А. К. Гаврилова) [15, с. 32–33]. Разумеется, под «наблюдением нравов» и особенно «людских дел» надо понимать оценку деловых и прочих качеств прежде всего представителей сенаторской аристократии.

В свете соображений, высказываемых Дионом Кассием, понятными видятся причины колебаний императора по поводу выбора им наместников для провинций, во всяком случае тех, где были расквартированы значительные воинские силы. Тацит пишет, в частности, о Тиберии:

«С одной стороны, он не выказывал предпочтения добродетелям, а с другой – ненавидел порочность: в выдающихся людях он видел опасность для себя, в дурных – общественное бесчестье. В этих колебаниях он дошел до того, что не раз поручал провинции тем, кого не согласился бы выпустить из Рима» (Tac. *Ann.* I. 80. – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 54]. С учетом отношения автора к указанному императору колебания Тиберия в гипертрофированном виде демонстрируют то, что в целом присутствует в «Размышлениях» такого рассудительного императора, как Марк Аврелий.

Предпосылкой встречного движения со стороны представителей аристократии по отношению к принцепсу и его «кадровой политике» были традиционные республиканские устремления римской знати к полновесному *cursus honorum* в его республиканском смысле. В присутствующий период это было общим настроением – рассматривать опыт командования войсками и полководческие таланты как условие высокого социального статуса (Cic. *Ad fam.* XV. 2. 8; XV. 5; XV. 6; *Ad Att.* V. 20. 1; *De off.* I.116, 121; *Pro Murena* 19–34) [16, с. 29–30, 49–50, 105–105, 143–144; 17, с. 254, 258; 18, с. 337–343]. Правда, в науке высказывалось авторитетное мнение, согласно которому гражданские войны I в. до н. э. должны были снизить уровень заинтересованности сенаторов в занятии командирских постов [2, р. 320]. Тем не менее наличный исторический материал говорит о том, что это ни в коей мере не было всеобщим настроением. Например, Тацит показывает, сколь велико было рвение военачальников периода ранней Империи. В его рассказе они зачастую буквально рвутся к тому, чтобы командовать войском и, соответственно, получать отличия за полководческие успехи (Tac. *Ann.* III. 39; IV. 46; XI. 18; XII. 27–28; *Agr.* 14, 16–18; *Hist.* I. 79) [13, с. 125, 174–175, 240, 265–266, 433, 435–437, 569], собирают войска при необходимости подавить восстание в провинции (Tac. *Ann.* III. 41, 73) [13, с. 125–126, 143–144] и соперничают между собой по поводу верховного командования при проведении совместных кампаний (Tac. *Ann.* III. 42, 46) [13, с. 126, 128].

Любопытными, относящимися ко времени начала принципата, свидетельствами о сохранении в императорское время стремления аристократов к военной славе являются произведения Тибулла. Поэт здесь прославляет своего покровителя, представителя знатнейшего рода Марка Валерия Мессалы Корвина, консула 31 г. до н. э., который получил в 25 г. до н. э. за свои довольно скромные военные успехи триумф. Тибулл отсылает читателя к образам предков полководца, апеллирует к староримским добродетелям, идеалам семьи и аристократической чести (Tibull. I. 1. 53–54; I. 7. 5–60; II. 1. 31–34; II. 5. 115–122) [19, с. 161, 177–179, 187, 202]. Очевидно, Мессала получил от императора особые отличия

не в связи со своими реальными достижениями, а во многом вопреки им. Август явно стремился потрафить в лице Мессалы Корвина честолюбивым ожиданиям высшей знати. Во всяком случае в аналогичной ситуации Тиберий поступил подобным же образом, причем его мотивы изложены Тацитом достаточно определенно (см. ниже).

Мир идей и настроений, представленный Тибуллом, находит подтверждение и продолжение в эпиграфическом памятнике, относящемся ко времени, отдаленному от времен Катулла и Мессалы более чем на четыре десятилетия. Надпись, выполненная в стихотворной форме и принадлежавшая сыну Луция Апрония, проконсула Африки в 18–21 гг. н. э., демонстрирует неподдельный пиетет по отношению к военной славе отца (вероятно, преувеличенной), к «мечу, красному от крови врагов» (*ILS 939*) [20, р. 205–206].

Провинция Африка в начале I в. н. э. оставалась единственным местом, где проконсул командовал войсками под собственными ауспциями. Военные действия против нумидийских повстанцев Такфарината, которые велись в 17–24 гг., предоставляли наместникам возможность проявить себя в качестве реальных военачальников. В 17–18 гг. проконсул Марк Фурий Камилл достиг некоторых успехов в войне с восставшими нумидийцами. Представитель одной из самых знатных фамилий наконец получил возможность решительной битвой добиться для себя и своей семьи почестей, некогда уже принадлежавших его предкам. Победа, хотя и не столь грандиозная, Камиллом была одержана. Как сообщает Тацит, Тиберий воспользовался ею, чтобы, исходя из своего стремления удовлетворить честолюбивые стремления знати, наградить Камилла триумфальными отличиями, едва ли заслуженными, но встреченными в среде сенаторов с энтузиазмом (*Тас. Анн. II. 52*) [13, с. 84]. Здесь повторилась, по сути дела, ситуация, имевшая место в связи с назначением триумфа Мессале во времена правления Августа. Однако в других случаях, когда речь шла не о столь прославленных фамилиях, удовлетворение честолюбивых притязаний зачастую оказывалось нереализованным. Так, Гай Кассий, легат императорской провинции Сирии при Клавдии, будучи представителем прославленного победоносного рода, но не имея возможности громкой победой приобрести славу полководца, мог удовлетвориться лишь тем, что «обучал легионы с таким старанием и такую предусмотрительностью, как если бы его теснили враги; он считал, что этого требует достоинство его предков и рода Кассиев» (*Тас. Анн. XII. 12.* – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 258]. По этому поводу можно привести мнение А. В. Махлаюка о военачальниках периода ранней Империи, который, полагает, что «модель поведения полководца [этого времени] имела

знаковый характер архаизирующей стилизации, сознательно ориентированной на героические образы римской древности» [21, с. 117].

Разумеется, нельзя также не заметить, что в условиях принципата имела место и противоположная тенденция. Для части представителей высшей аристократии военная составная *cursus honorum* со временем теряла свою актуальность. Начиная со времени правления Септимия Севера сенаторы все более уклоняются от занятия должностей, предполагавших командование войском, предпочитая должности более мирного характера, связанные, например, с управлением финансами [22, р. 115–116]. Эти посты теперь не всегда подразумевали опыт командования крупными воинскими силами. А поскольку роль старых сенаторских фамилий в императорский период постепенно снижалась, как сократилось и количество таких фамилий, значение военной славы в качестве составной части традиционной *cursus honorum* также должно было со временем ослабеть. Одна из причин такого положения дела заключалась в том, что, как замечает Р. Сайм, императоры зачастую не выдвигали сыновей консулов на консульные посты [23, р. 361]. И это, кажется, не противоречит вышеуказанному случаю Мессалы, который получил свои отличия, во-первых, в порядке исключения, а во-вторых, в условиях отсутствия у него реальных достижений, которые могли создавать у императора ощущение угрозы со стороны этого «полководца».

С другой стороны, выдвинутые императоров, иногда происходившие из не самых знатных фамилий, очевидно, восприняли милитаристские традиции римского аристократического сообщества, хотя и в их все более выраженной плоскости «архаизирующей стилизации». Хорошо известен имевший место в 55 г. конфликт между Уммидием Квадратом, легатом Сирии, и Корбулоном, а затем подобные же трения между Корбулоном и Цезеннием Петом (*Тас. Анн. XIII. 8–9; XV. 6*) [13, с. 292–294, 366–367]. В основе всех этих конфликтных ситуаций лежал спор из-за соперничества не в реальных достижениях, а в полководческой славе. Итогом стало вмешательство в спор между Уммидием и Корбулоном самого Нерона, который постарался примирить конфликтующих военачальников символическим актом признания заслуг обоих (*Тас. Анн. XIII. 9*) [13, с. 294]. Также примерно в это же время ходили слухи, что Светоний Паулин, наместник Британии, заочно соперничая с Корбулоном и стремясь сравняться с ним в отличиях, предпринял сомнительный по своим целям и результатам поход на остров Мону (*Тас. Анн. XIV. 29*) [13, с. 343].

Показателен пример Гая Юлия Квадрата Басса, представителя пергамской или галатской аристократии, первоначально принадлежавшего

к сословию всадников. Он сделал успешную карьеру при императоре Траяне, последовательно занимая высшие посты в военном командовании (*PIR*² I. 508) [24, р. 260]. В 117 г., находясь на посту наместника Дакии, он умер, после чего, по распоряжению императора Адриана, его тело было доставлено солдатами дакийских легионов в Пергам и там со всеми возможными почестями похоронено, причем памятник был установлен, как это выяснил Ф. Миллар, на средства, выделенные императорской казной, т. е. фиском [25, р. 39]. Адриан здесь, вероятней всего, показывал сенаторам то, что откуда бы они не происходили, и даже если при этом не принадлежали к старой аристократии, их полководческие заслуги, пусть и достаточно умеренные, не останутся без внимания. Даже в III в. инерционные силы аристократических традиций сказывались таким образом, что стремление к видимости военной славы не перестало быть предметом честолюбивых устремлений в среде высшей знати. Около 260 г. или несколько позже наместник Нумидии Гай Макрин Дециан с гордостью отчитывался в своей торжественной надписи об одержанной им победе над восставшими в этой провинции племенами (*ILS* 1194) [20, р. 262–263]. Восприятие Децианом данной победы, реальной или, возможно, мнимой, определенно напоминает отношение сына Луция Апропия к «свершениям» своего отца, который был проконсулом в Африке двумя с половиной столетиями ранее.

То, как в среде римской аристократии трактовалась полководческая слава, демонстрирует биография тестя Корнелия Тацита, т. е. жизнеописание Юлия Агриколы. Последний был наместником Британии в период Флавиев. Составленное историком, являвшимся членом аристократического сообщества, жизнеописание должно было, по замыслу автора, произвести должное впечатление прежде всего на сенаторов и всадников. Это значит, что акцентирование Тацитом внимания на полководческих достижениях тестя само по себе служит отражением представлений, господствовавших в данной среде. Следовательно, стремление к «огромной и всезатмевающей славе», которое Агрикола выказывал в молодом возрасте (но которое он затем обуздал силой своей «мудрой умеренности») должно было быть хорошо понятным для читателей Тацита, принадлежавших к римской аристократии (*Tac. Agr.* 4) [13, с. 426]. Также понятным должно было выглядеть и стремление молодого Агриколы к приобретению военного опыта, если не сказать образования, получение которого для будущего полководца было связано с выполнением обязанностей военного трибуна при Светонии Паулине (*Tac. Agr.* 5) [13, с. 426–427]. Получив под свое командование войска, т. е. достигнув положения военачальника, Агрикола не уклоняется от опасностей, проявляет благоразумие и усердие (*Tac. Agr.* 18) [13, с. 437]. Смелый и решительный

в военных обстоятельствах, он мудро руководит войском, переносит с ним все тяготы, вникает во все мелочи походной жизни, сам выбирает место для лагеря (*Tac. Agr.* 20, 22, 35) [13, с. 438–440, 448]. Хотя тесть Тацита преуспел в различных управленческих делах, показательно, что его полководческие успехи представлены историком-аристократом как главное основание для высокой итоговой оценки его деятельности. Тацит прибегает здесь к форме риторического вопроса: «Ведь по достижении им истинных благ, которые покоятся в добродетелях, а также консульских и триумфальных отличиях, чем еще бы могла одарить его судьба?» (*Tac. Agr.* 44 – пер. А. С. Бобовича) [13, с. 455].

Тацитов образ Агриколы как выдающегося военачальника – это скорее выражение того, что считалось достойным в окружении Тацита, чем правдивый рассказ о победах флавианского наместника Британии. Вероятно, более достоверен образ Гнея Домиция Корбулона, военачальника времен Клавдия и Нерона. Он стал единственным полководцем императорского времени, который, не принадлежа семье принцепса, тем не менее удостоился упоминаний в «Стратегемах» Секста Юлия Фронтинна (*Front. Strateg.* II. 9. 5; IV.1. 21, 28; IV.2. 3; IV.7. 2) [26, с. 225, 256, 257, 260, 267]. Другие авторитетные писатели также сообщают о выдающихся качествах Корбулона (*Tac. Ann.* XI. 18; XIII.8, 35, 38, 40; XIV. 24; XV. 12; Dio LXII. 19. 1; Amm. XXIX.5. 4; *Stat. Silv.*V. 2. 34–47) [13, с. 240, 293, 309–310, 312, 314, 340–341, 369–370; 10, с. 592–593; 27, с. 450; 28, с. 186–187]. Тацит отмечает внушительность всего облика полководца, его красноречие (*Tac. Ann.* XIII. 8) [13, с. 293] и все-таки показывает, что своей славой Корбулон был обязан не столько одержанным победам, сколько умению избежать тех ситуаций, где его полководческие таланты могли бы оказаться неподтвержденными, например, ввиду наличия сколько-нибудь серьезного противника или иных препятствий на пути к легкой победе (*Tac. Ann.* XV. 5–6) [13, с. 366–367]. В итоге Корбулон приобретает славу, которая, по мнению Р. Сайма, едва ли была им в действительности заслужена [29, р. 492–493]. Положение Корбулона в качестве специально выпестованного императором полководца вполне укладывается в тенденцию, обозначенную триумфами Мессалы и Фурия Камилла. Действительно, трудно отделаться от мысли, что Корбулон был необходим принцепсу прежде всего как пример успешной военной карьеры в эпоху фактической монархии и лишь затем как выдающийся полководец.

С другой стороны, известно, что чрезмерный диссонанс между высокими почестями и реальными достижениями мог вызывать в аристократической среде критику и даже насмешку. Так, Плиний Младший пишет по поводу триумфальных статуй, что «в большинстве случаев их ставят людям, которые никогда не были

в строю, никогда не видели лагеря и никогда не слышали звука военной трубы – разве что в театре» (Plin. *Ep.* II. 7. – пер. М. Е. Сергеевко) [30, с. 28]. Разумеется, автор несколько утрирует. По мнению Р. Сайма, в представлениях Плиния не в пример другим членам аристократического сообщества писательская слава стоит выше полководческой [31, р. 751]. Однако в целом посыл Плиния представляется очевидным: внешнее выражение полководческих достижений в среде аристократии в его время замещает реальные достижения основной массы её представителей.

Таким образом, республиканские традиции продолжали жить и в условиях принципата. Военное командование в ранней Римской империи, превратившись в императорскую привилегию, продолжало оставаться выражением аристократической идентичности. Желание представителей знати не просто получить высшие командные посты, но и обрести полководческую славу в условиях фактической монархии было важнейшей составляющей их публичной деятельности. Встречный интерес к удовлетворению этих стремлений наблюдался и со стороны императорской власти. Причиной такого отношения принцев послужило отсутствие в ранней Римской империи иных механизмов замещения высших командирских должностей, кроме тех, которые сложились к концу периода Республики. Это обстоятельство, в свою очередь, во многом обуславливалось не только живучестью социальных институтов, но и инерцией аристократического сознания, которая была присуща как сенаторской знати, так и самим принцам.

Список литературы

1. *Межерский Я. Ю* «Восстановленная республика» императора Августа. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
2. *Campbell J. V.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235. Oxford : Clarendon Press, 1984. 468 p.
3. *Голдсуорти А.* Во имя Рима: люди, которые создали империю / пер. с англ. М. Алферовой, М. Королева. М. : АСТ, 2006. 537 с.
4. *Парфёнов В. Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб. : Алетей, 2001. 278 с.
5. *Дементьева В. В.* Современное антиковедение: концепция «римской меритократии» // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия : История. 2007. № 1. С. 55–60.
6. *Lendon J. R.* Empire of Honor: The Art of Government in the Roman World. Oxford : Clarendon Press, 1997. XII, 320 p.
7. *Shaw B. D.* Bandits in the Roman Empire // Past and Present. 1984. № 105. P. 3–52.
8. *Смышляев А. Л.* Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // *Ius Antiquum. Древнее право.* № 17. С. 65–72.
9. *Roller M. B.* Constructing Autocracy: Aristocrats and Emperors in Julio-Claudian Rome. Princeton ; New Jersey : Princeton University Press, 2001. XI, 319 p.
10. *Кассий Дион Коккейян.* Римская история. Книги LI–LXIII / пер. с древнегр. ; под. ред. А. В. Махлаюка ; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб. : Нестор-История, 2014. 680 с.
11. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи / пер. с нем. И. П. Стреловой : в 2 т. СПб. : Наука, 2000. Т. 1. 400 с.
12. *Парфёнов В. Н.* Домициан и его «генералитет» // История: мир прошлого в современном освещении : сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 327–336.
13. *Тацит Публий Корнелий.* Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. А. С. Бобовича и Г. С. Кнабе ; ред. Я. М. Боровского и М. Е. Сергеевко. М. : АСТ ; Ладомир, 2003. 984 с.
14. *Brunt P. A.* Marcus Aurelius in His Meditation // Journal of Roman Studies. 1974. Vol. 64. P. 1–20.
15. *Антонин Марк Аврелий.* Размышления / пер. с древнегр. А. К. Гаврилова ; текстологические примечания А. К. Гаврилова. М. : Наука, 1985. 245 с.
16. *Цицерон Марк Туллий.* Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна : в 3 т. М. ; Л. : Издательство Академии Наук СССР, 1950. Т. 2. 502 с.
17. *Цицерон Марк Туллий.* Моральные размышления. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. с лат. В. А. Петухова, В. О. Горенштейна ; вступит. ст. А. В. Маркова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 450 с.
18. *Цицерон Марк Туллий.* Речи / пер. с лат. В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек : в 2 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 1. 443 с.
19. *Катулл Валерий. Тибулл Альбий. Проперций Секст.* Сочинения / пер. с лат. ; под ред. Ф. А. Петровского ; предисл. Ф. А. Петровского. М. : Издательство художественной литературы, 1963. 511 с.
20. *Inscriptiones Latinae Selectae/Hrsg. H. Dessau: in 3 vols. Berolini : Weidmann, 1892. Vol. 1. 602 p.*
21. *Махлаюк А. В.* Армия Римской империи: очерки традиций и ментальности. Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2000. 235 с.
22. *Birley A. R.* Senators as Generals // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit/hrsg. von E Birley, G. Alöldy, B. Dobson, W. Eck. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2000. S. 97–119.
23. *Syme R.* The Governors of Pannonia Inferior // Historia. 1965. Bd. 14, hf. 3. S. 342–361.
24. *Prosopographia Imperii Romani saec. I, II, III. Ed. altera / ed. A. Stein et L. Petersen : in VIII partes. Berolini et Lipsiae: Walter de Gruiter, 1966. Part. IV. 369 p.*
25. *Millar F.* The Fiscus in the First Two Centuries // Journal of Roman Studies. 1963. Vol. 53. P. 29–42.
26. *Фронтин Секст Юлий.* Стратегемы / пер. с лат. А. Б. Рановича // Военное искусство Античности. М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 161–274.
27. *Аммиан Марцеллин.* Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб. : Алетей, 1996. 667 с.

28. *Стаций Публий Папиний* / пер. с лат и предисл. Т. Л. Александровой. СПб. : Алетейя, 2019. 254 с.
29. *Syme R. Tacitus. Vol. II.* Oxford: Clarendon Press, 1997. 856 p.
30. *Плиний Гай Цецилий Секунд.* Письма. Панегирик Траяну / пер. с лат. А. И. Доватура, М. Е. Сергеенко, В. С. Соколова. М. : Наука, 1984. 407 с.
31. *Syme R. Pliny and the Dacian Wars // Latomus.* 1964. Vol. 23, fasc. 4. P. 750–759.

Принятые обозначения и сокращения

Эпиграфика и просопография

ILS – Inscriptiones Latinae Selectae

*PIR*² – Prosopographia Imperii Romani, ed. alt.

Античные литературные источники

Amm. – Аммиан Марцеллин «Римская история»

Cic. – Цицерон:

AdAtt. – Письма Аттику

Adfam. – Письма близким

Deoff. – «Об обязанностях»

ProMur. – «Речь в защиту Мурены»

Front. Strateg. – Фронтин «Стратегемы»

Marc. – Марк Аврелий «Размышления»

Plin. Ep. – Плиний Младший «Письма»

Stat. Silv. – Стаций «Сильвы»

Tac. – Тацит:

Agr. – «Жизнеописание Юлия Агриколы»

Ann. – «Анналы»

Hist. – «История»

Tibull. – Тибулл «Элегии»

Поступила в редакцию 26.05.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 26.05.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 20.01.2023